

А. КОВАЧ

О СМЫСЛЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ ПОВЕСТИ ДОСТОЕВСКОГО «ДВОЙНИК»

«Двойник» — первое значительное произведение Достоевского, вызвавшее острые споры, которые начались с вопроса о его художественном выполнении, перенеслись затем на понимание природы человека, на трактовку самого идейного смысла повести. Продолжаясь и по сей день, споры эти своим существованием говорят о нерешенности в основных линиях ряда вопросов, связанных с пониманием раздвоения в творчестве писателя.

В современном литературоведении (в частности, в комментариях в первом томе академического Полного собрания сочинений) намечен новый подход к этому произведению, и мы хотели бы, чтобы наши наблюдения поддержали этот новый взгляд.

Важный для понимания интересующего нас произведения Достоевского аспект выдвигает также недавняя статья Ф. И. Евнина: исследователь видит смысл двойничества Голядкина не во внутреннем раздвоении, а во «внешнем замещении, вытеснении его из занимаемого им места в жизни».¹

Если говорить о причинах раздвоения природы главного героя повести, можно согласиться с автором названной статьи. В то же время очевидно, что им смешиваются разные понятия: причина принимается за самое явление, и раздвоение как таковое просто исчезает. Оказывается, что в «Двойнике» нет внутреннего, психологического раздвоения героя, а есть лишь замещение, борьба, приводящая к его вытеснению из жизни. По мнению Евнина, двойник используется Достоевским — так же как и Гофманом — как художественный прием для воплощения определенных социальных сил (как, например, в образе крошки Цахеса воплощается власть золота в буржуазном мире). Но таким образом игнорируется художественное завоевание Достоевского, — раздвоение в психологическом плане понимается только как внутренняя

¹ Евнин Ф. И. Об одной историко-литературной легенде. — Русская литература, 1965, № 3, с. 11.

борьба между добрым и злым началом в человеческой душе, в силу чего стираются и различия между русским писателем и его предшественниками.

Противоречивые трактовки «Двойника» и самого раздвоения, столь важного для понимания творчества писателя вообще, настоятельно требуют заново прочесть повесть, разобраться в ее художественной структуре, в значениях, носительницей которых она является.

Петербургская поэма «Двойник» воссоздает два мира, противоположных и враждебных друг другу, две системы ценностей, соотношение которых и определяет сознание и судьбу центрального героя.

Первый мир — это мир людей, стоящих на сравнительно высокой ступени общественной лестницы, людей, существование и, казалось бы, условия для утверждения человеческой личности которых обеспечены. В повести этот мир представлен прежде всего семьей Берендеева и его домом, в котором вокруг сказочно богатого стола собирается «достойное общество». В этом обществе существуют свои законы, своя шкала ценностей: понятия «честь», «достоинство», «справедливость» приобретают здесь своеобразное значение. Дом Берендеевых выстроен в определенном квартале, а среди гостей — чиновники, начальники Голядкина. Нарисованная местами в стиле Гоголя с иронической патетикой, в целом картина общества в доме Берендеевых отличается по манере от описаний автора «Мертвых душ», будучи более многосторонней и не доводящей скрытого комизма до гротеска. На первый взгляд, этот мир привилегированных появляется у Достоевского в ипостаси «идеала»: именно здесь герой мечтает утвердить свою личность. Но этот желанный мир оказывается античеловечным, живущим по аморальным законам: таким раскрывается он, при внимательном чтении, через образ статского советника Берендеева и его гостей, через восприятие Голядкина.

Второй мир повести «Двойник» — мир подлинно человеческих ценностей — выступает как тот идеал, подразумеваемый героем, без которого и вне которого для него невозможно осуществление личности. Этот мир бледнее, он остается на втором плане, но его действительность неопровержима. Кажется, вплоть до начала действия некоторые подлинно человеческие черты — честность, трудолюбие, искренность — господствовали в характере главного героя. Существование мира духовных, моральных ценностей подтверждается его противопоставлением первому миру общественных отношений и его связью с жизнью демократических слоев населения.

Эти два мира имеют, благодаря полифонической манере Достоевского, относительно самостоятельное существование, но, так как они представляют диаметрально противоположные тенденции единого общества, их столкновение становится неизбежным и происходит в различных формах постоянно. Движение повести

и раздвоение героя рождаются в соприкосновении и в столкновении этих двух миров, зафиксированных в различных слоях структуры произведения, которая сходна с двумя частично наложенными друг на друга кругами, стремящимися отдалиться один от другого.

Сущность и значение раздвоения раскрываются в самой структуре повести через различные ситуации и художественные формулы.

Дом Берендеевых составляет иллюзорную цель, поприще для утверждения личности Голядкина: о дочери хозяина он мечтает как о возлюбленной и будущей жене; его заботит репутация в собирающемся здесь обществе. Дом этот выступает для героя символом сугубо личных человеческих стремлений. Его цель иллюзорна, с одной стороны, потому что недоступна для героя — личности стертой, серой, без сильной воли и ощутимых задатков хищника, а с другой стороны, — потому что он не может, а сначала и не хочет, жить по волчьей морали общества, символом которого является дом Берендеевых.

Враждебность мира Берендеевых непреходящим человеческим ценностям показана писателем в сцене семейного бала по случаю дня рождения Клары Олсуфьевны. Голядкин пытается проникнуть в дом Берендеевых через черную лестницу, «дорогу не совсем-то прямую»; иными словами, в мир верхних слоев он пытается пройти незаконно. Говоря это, писатель имеет в виду не только тот факт, что у героя нет энергии индивидуалиста, богатства и связей, но и то, что он не хочет прибегать к таким недостойным человека средствам, как лицемерие, подхалимство и т. п. Однако мы видим также, что в нем уже существуют и некоторые черты этого мира: он тщеславен, он признает деньги орудием своего утверждения, что противоречит законам мира человечности. Символическая черная лестница — задний вход — обозначает двойную «пезаконность»: «амбиция» Голядкина противоречит сущности, ценностям, порядкам обоих миров.

Образы названных выше двух миров и самое раздвоение более полно раскрываются Достоевским с помощью выразительных художественных формул в движении, которые и составляют опорные пункты произведения. Все они построены на антитезе двух образов-понятий: «деньги — честь», «репутация — достоинство»; в других случаях антитеза эта развертывается в целые выражения типа: «нужно быть честным, не подхалимничать — надо обманывать, надо хитрить». Эти формулы пронизывают всю художественную ткань произведения, чаще всего сохраняясь в неизменном виде и выражая при этом самые различные — вплоть до противоположных — смыслы, а иногда изменяясь, комбинируясь, накладываясь друг на друга.

Первый член формулы «деньги — честь» развернут в мотиве «пачка ассигнаций», который появляется на первых же страницах повести и составляет основной двигатель последующих дей-

ствий героя. На свою «утешительную пачку государственных ассигнаций» опирается Голядкин как на возможность проникнуть в мир «достойных»: «Такая сумма, — мечтает он, — может далеко повести человека...» (1, 110). Иллюзорный характер этой возможности чувствуется, однако, с самого начала: сумма в семьсот пятьдесят рублей слишком мала для того, чтобы создать ее владельцу положение в обществе (карга только на один день стоит двадцать пять рублей, взятая напрокат ливрея для слуги сношена); вообще выход Голядкина в свет воспринимается в основном как своего рода забавное представление.

Опровержение этой формулы дается с точки зрения мира человеческих ценностей с помощью введения ее второго члена, контрастного образа-понятия, в картину, рисующую общественные отношения. На праздновании дня рождения Клары Олсуфьевны присутствует племянник начальника Голядкина — Андрея Филипповича, молодой человек, «который больше похож на старца, чем на юношу»; «говоря в выгодном для него отношении, — продолжает писатель, — всё, начиная с цветущих ланит до самого ассессорского, на нем лежавшего чина, всё это в сию торжественную минуту только что не проговаривало, что, дескать, *до такой-то высокой степени может благонравие довести человека!*» (1, 130. — Курсив наш, — А. К.). Достоевского не интересуют в данном случае средства, при помощи которых молодой человек сделал и делает карьеру; сравнивая юношу со старцем, он указывает только на результат, на потерю человеческого облика.

Более важным и характерным для повести является второй тип художественных формул, поливалентных и выражающих черты разрывающих душу Голядкина обоих миров. Среди них центральное место занимает формула интриги (дополняющаяся образом маски и принципом поведения: «лощить паркет сапогами» — 1, 133). Эта динамичная структурная единица встречается в повести около десяти раз (она является одним из опорных пунктов ее конструкции) и насыщена важным значением: она выражает первоначальную, преобладающую честность героя, его отказ от карьеризма и лицемерия, господствующих в мире социальных отношений (ср.: 1, 116, 117, 124, 133, 152).

В определенный момент, на дружеской «встрече» с Голядкиным-младшим, наш герой признает интригу как средство самозащиты и самоутверждения: «Ну, да ведь мы с тобой, Яков Петрович, сойдемся <...> мы с тобой, Яков Петрович, будем жить, как рыба с водой, как братья родные; мы, дружище, будем хитрить, заодно хитрить будем; с своей стороны будем интригу вести, в пику им... в пику-то им интригу вести...» (1, 157). Признание интриги, — хотя только теоретическое, поскольку она существует только как намерение, — оказывается для героя роковым. Голядкин чувствует первые признаки болезни именно тогда, когда его двойник возвращает, публично бросает ему в глаза его же слова: «Шалишь, братец Яков Петрович, шалишь! хитрить мы будем

с тобой, Яков Петрович, хитрить» (1, 167). Голядкин чувствует, что «погиб, уничтожился в некотором смысле, что замарал себя и запачкал свою репутацию». И в самом деле, когда решается его судьба на службе, Антон Антонович, высказываясь о причинах его увольнения, говорит Голядкину: «А хитрить-то с кем собирались?» (1, 197).

В письме Вахрамеева в единой формуле «потерять амбицию и репутацию» накладываются друг на друга противоположные значения (достоинство и репутация), а потом (в начале десятой главы) в мучительном сне герою кажется, что «известное лицо» «очерняло досконально его репутацию, втаптывало в грязь его амбицию и потом немедленно занимало место его на службе и в обществе» (1, 184).

После того как в главе пятой происходит раздвоение личности Голядкина, начиная с шестой и вплоть до десятой главы структура повести усложняется. На первый план выдвигается «накладывание» героем своего химерического двойника (выражающего все, что принадлежит в его душе «миру Берендеевых») на нового чиновника. В этой части раздвоение становится явным, о нем говорят открыто. Так, подобный же случай приводит Антон Антонович: его тетюшка «перед смертью себя вдвойне видела»; вспоминают сиамских близнецов и т. п. Но отношения между двумя Голядкиными еще не ясны. Впоследствии эти отношения оказываются многозначительными для понимания их судеб. Однако отождествление двойника с реальным лицом все же более частное явление, оно следствие психического раздвоения и служит ему, выводит его на широкую арену реальных общественных отношений.

После вытеснения из частной жизни (дома Берендеевых) и с общественного поприща (потеря работы) болезнь героя приобретает тираническую силу, и под ее влиянием в сознании его все больше и больше искажаются черты реального мира и собственной личности — здесь преддверие сумасшествия. В движении художественных формул обнаруживаются и причина, и значение раздвоения.

Герой «Двойника» разрывается в попытке утвердить себя при помощи своеобразного примирения принципов охарактеризованных нами двух миров. В соответствии с этим общий психологический фон его личности составляют неуверенность, колебание в выборе между двумя диаметрально противоположными возможностями; это проявляется в его душевных движениях, лирию развития которых можно обозначить словами: «Да—нет—да», «нет—да—нет», «да—нет—нет—да» и т. д. Так поступает Голядкин в дверях кабинета доктора, квартиры Берендеева: приходит, намеревается отложить визит или отказаться от посещения — и все же входит. Или, встретив в начале своего «выезда» начальника, он колеблется: «Поклониться иль нет? Отозваться иль нет? Признаться иль нет? — думал в неописанной тоске наш ге-

рой, — или прикинуться, что не я, а что кто-то другой, разительно схожий со мною, и смотреть как ни в чем не бывало? Именно не я, не я, да и только! — говорил господин Голядкин, снимая шляпу пред Андреем Филипповичем и не сводя с него глаз. — Я, я, ничего, — шептал он через силу, — я совсем ничего, это вовсе не я, Андрей Филиппович, это вовсе не я, не я, да и только» (1, 113). Общее психическое свойство скоро обнаруживает свою моральную и социальную сущность. На поверку Голядкин колеблется между тем, чтобы показать силу своего характера, и тем, чтобы польстить. Слабая воля приводит к отчуждению его лучших намерений и доводит героя до того, что он готов согласиться на прямо противоположное тому, к чему стремится, отказаться от своей личности.

Выдворение Голядкина из дома Берендеевых — кульминация тех тенденций, которые исподволь подтачивали условия его существования. Глубокие причины раздвоения скрываются, с одной стороны, в «физиологии», в социальном быту героя (врач считает причиной его болезни образ жизни, нехватку развлечений, отдыха и т. д.), а с другой стороны — в сфере социально-этической, т. е. в проникновении в сознание Голядкина принципов антагонистического общества, в признании ложных средств утверждения человеческой личности, сначала в более скрытой форме денег, а затем и в открытой форме «интриги».

В понимании раздвоения как преддверия трагической гибели души проявляется гуманизм писателя: гибнет почти уже не человек, но существо, в заблуждении отказавшееся от самого себя, — и все же это человек.

Социальные причины раздвоения раскрываются в «накладывании» героем своего фантастического двойника на реальное лицо. Однофамилец героя это вместе с тем и его двойник — тот, кем он мог бы стать, если бы у него был сильный характер, если бы он мог с легкостью отказаться от прерогатив подлинной морали. Одновременно он и фантастическое лицо, плод больного воображения героя. Эти две ипостаси двойника делают его образ неоднородным, колеблющимся между реальностью и фантастикой.

Отождествление двойника с Голядкиным-младшим помогает раскрыть социальные аспекты его судьбы. Наиболее красноречиво в этом смысле «вытеснение» Голядкина из общества. Интересно, что на службе его место занимает не Голядкин-младший, а какой-то другой чиновник, но карьеру делает и проникает в общество «достоинных людей» именно его однофамилец. И если это даже «слепая» судьба — размышляет Голядкин — «так уж и его затереть как ветошку, так уж и служить ему не давать... да где же тут после этого справедливость будет?» (1, 172). И, конечно, не случайно видя в своем однофамильце врага, он все же пожимает ему руку, признавая принцип общества, «большого света», — т. е. то, что он вытеснен из общества как грязная ветошка (а не ветошка просто, как Девушкин).

Таким образом, к концу второй части, в десятой главе, полностью раскрываются причины и последствия раздвоения, его социальные, этические аспекты и его общепсихологическая основа. В последних главах, в развязке, внимание писателя останавливается преимущественно на психофизической основе раздвоения. Болезнь с самого начала сопутствует мотиву денег, притяжения лжи и отказа от нее, лицемерия и т. п., и в конце, когда герой терпит окончательный крах, к этому добавляется и полный распад личности, сумасшествие. Значение болезни в повести подчеркивается композицией. В начале (в первой главе), перед тем как «выйти в свет», Голядкин наносит визит доктору; затем, во второй главе, анализируется его болезнь. Снова появляется Крестьян Иванович только в последней главе, чтобы принять участие в удалении из среды людей героя, который не в состоянии был последовать совету доктора и радикально изменить свой характер, переменить образ жизни. Таким образом, эти две встречи Голядкина с доктором составляют как бы входные и выходные ворота в мир произведения; через них герой вступает в «царство двойничества» и выходит из него, умирая.

Как показывает анализ повести, причины раздвоения в «Двойнике» неоднородны; первая из них субъективного характера. В Голядкине сохранились кое-какие черты человечности, но его достоинства почти исключительно негативны: он не интриган, не лицемер, не делает зла другим и т. п. Он судорожно хватается за свою честь, за свое достоинство, но от них уже почти ничего не осталось. Гибель человека в чиновнике уже давно началась. Мелкий чиновник честно накопил деньги, чтобы иметь возможность жить «по-человечески», но пока он копил их, шли не только годы, уходили и энергия, и здоровье; растеряны были и сила духа, и человеческие ценности. Этот процесс — результат образа жизни, социальных условий русского общества того времени. Ведь и психическое заболевание героя связано с беспросветной жизнью — без отдыха, без развлечений, без театра, без друзей, т. е. без удовлетворения важнейших человеческих потребностей.

Возможность раздвоения возникает, таким образом, потому, что личность Голядкина не настолько сильна, чтобы победить, но все же она существует, в глубине сознания герой стремится сохранить свое достоинство. Поэтому для понимания героя Достоевского исключительно важно наличие в нем черт человечности.

Голядкин — тип колеблющегося, слабого человека, пытающегося удовлетворить свою «амбицию», утвердить ложным путем свою подавленную личность, примирить принципы подлинной человечности и лицемерную волчью мораль антагонистического общества и поэтому кончающего раздвоением, болезненным распадом сознания. Этот тип раскрывается в форме «исключительности», фантастики, во многом предвосхищающей позднего Достоевского. История героя не случайно называется несколько раз и

«совсем правдивой», и «совершенно невероятной», как бы предвосхищая более поздние высказывания писателя о его стремлении к раскрытию правды через исключительные, крайние случаи и фантастические ситуации. Но «Двойник» скорее заявка, чем адекватное решение темы. В образе Голядкина идея трагизма утверждения человеческой личности ложным путем затемняется мелкостью, «затертостью» персонажа. Иначе выражена та же идея в образе сильного и одаренного Раскольникова. Многоплановость противоречий в характере Голядкина, его колебания, доведенные до абсурда, связанное с этим нагнетание противоречивых душевных состояний идут в ущерб ясности образа. С другой стороны, в более поздних больших романах более цельным образом противостоит подчас абстрактная религиозно-философская тенденциозность.

«Двойник» — свидетельство единства творческой манеры Достоевского, тесной связи раннего и зрелого периодов его творчества. И вместе с тем это произведение — свидетельство единства гуманистических и художественных ценностей в творчестве писателя.

Понятие раздвоения многозначно. Оно может быть художественным приемом, исключительно емким, способным выразить различного рода противоречия (так, у романтиков противоречие между идеальным и реальным, между мечтой и действительностью и т. д.); раздвоение проявляется также в сосуществовании противоположных, взаимоисключающих психических, интеллектуальных и др. свойств той или иной человеческой личности, часто находящих в мифе или художественной литературе свою поляризацию, внешнее воплощение в противостоящих образах. Многие религиозные и метафизические концепции толкуют раздвоение как общее и вечное свойство человеческой природы вообще, ибо в природе человека присутствуют будто бы извечные начала добра и зла и человек является ареной борьбы этих двух начал Бог и дьявол, черти и ангелы — порождения этой концепции. Но не только они. Уже у романтиков добро и зло начинают получать и конкретно-исторический смысл, через них проявляются определенные тенденции антагонистического общества. У Э. По в образе Уильяма Уилсона за злым началом также скрываются некоторые конкретно-исторические причины, прежде всего — власть денег в современном писателю обществе. У Достоевского раздвоение получает качественно иной социально-философский и реально-психологический смысл. Раздвоение показано им не столько как вечное и общее свойство человеческой природы или результат воздействия сверхъестественных внешних сил, но скорее выступает как результат реального противоречия между различными сторонами характера определенной личности в определенном обществе. Характер героев Достоевского раздваивается не по линии таких категорий, как добро и зло, тело и душа, земное и небесное (хотя и такого рода раздвоение может иметь, напри-

мер у Гофмана или Э. По, глубокое философское и социальное значение); нет здесь и противопоставления мечты и действительности, реальности и идеала. Раздвоение идет в данном случае по линии живых человеческих черт: честности и лицемерия; достоинства и раболепия; подлинных человеческих ценностей (чувства благородства, любви, дружбы и т. д.), с одной, и денег, карьеры, положения в обществе, с другой стороны. Именно в этом — в показе расщепления живой человеческой души, обусловленном конкретными историческими условиями, — и проявляется новаторство и сила Достоевского как психолога и гуманиста. Своеобразие Достоевского в мировой литературе состоит как раз в том, что он показывает — в образах Голядкина, Раскольникова, Подростка, Ивана Карамазова и многих других — попытку утверждения человеком своей личности разрушающими ее средствами, заимствованными из арсенала враждебного подлинной человечности капиталистического мира. При этом противоречия капитализма обнаруживаются Достоевским внутри человеческого сознания, в человеческой душе — и в этом новизна и источник силы его критики. Тот факт, что в сознании героя Достоевского человеческие ценности не просто вытесняются, уступая место ложным ценностям мира эксплуатации, как это делается обычно, например у Стендаля или Бальзака, а сосуществуют с ними, причиняя его персонажам бесконечные и мучительные страдания, нередко приводя их к трагической гибели и распаду личности, говорит о силе гуманизма писателя, свидетельствует о его гениальности художника.